

Глава 26: Коммод

Дэниел сделал свою собственную "Декларацию Римского Императора" в Колизее, что открыло для него фантастические условия для съемок фильма.

Проходя через древний Колизей, Дэниел, казалось, совершил путешествие во времени, как будто он попал в эпоху, когда римские императоры правили страной.

Это даже заставило его столкнуться с некоторыми серьезными трудностями в его роли, поскольку Коммод также был принцем.

- Дэниел, я действительно не знаю, как это получилось, но ты слишком рано вошел в роль Императора Коммода и забыл Принца Коммода, - Ридли был немного раздражен, Дэниел, очевидно, был поглощен Колизеем, что сразу в голове построил такой образ Коммода, который был полностью поглощен властью верховного императора, и было трудно представить, что он все еще просто принц, наследник, который ждал и верил, что его отец передаст власть ему. В таком состоянии почти невозможно снять важную сцену, то есть ту, где он задушил Марка, великого старого императора Римской Империи. Вы не можете себе представить, что император сам убил бы своего собственного отца. Гордость и самоуверенность абсолютной власти приведут к тому, что он не сможет оправдать в голове такой поступок.

- Ты показал роль хорошо, действительно, очень хорошо, и, похоже, Ридли просит слишком много.

В дискуссии между Ридли и Дэниелом о его игре, продюсер Universal Уолтер и Рассел Кроу считали выступление Дэниела достаточно хорошим, даже идеальным.

Но Ридли настаивал, что что-то не так, и Дэниел, казалось, понимал Ридли.

- Спасибо, - Дэниел заставил себя улыбнуться. Конечно, он знал о доброте Кроу, но его актерская игра не могла удовлетворить Ридли, не говоря уже о нем самом.

До приезда в Рим Дэниел действительно не думал, что это произойдет.

Но он продолжал думать о том, что сказал ему Ридли:

- Дэниел, ты сказал мне, что Коммод должен быть более трехмерным, более сложным, более реальным. Но сейчас, да, ты играешь очень хорошо, даже я не уверен, что зрители увидят что-то не так, но мы с тобой оба понимаем, что эта сцена не такая, она не должна быть такой, если это только потому, что она фальшивая, просто относись к ней как к настоящей. Да. Итак, Дэниел, какой смысл нам показать более живого Коммода?

Как сказал Ридли, сделать так, чтобы поверила публика - не самое главное, потому что в первую очередь эта актерская игра должна удовлетворить их самих.

Из-за этого даже пришлось скорректировать работу команды.

Дэниел сначала снял те сцены, где он уже взошел на трон.

В зале заседаний дворца сенатор Гракх из Сената болтал о политике с Коммодом.

Коммод, который только что занял трон короля, вынужденно терпел это. Он дергано сидел на троне, слушая, как самодовольные члены парламента, которые "представляли народ", выдвигали различные требования и вопросы, и играл с рукояткой. Меч, который олицетворял власть императора, придавал ему мужества.

В тот момент он больше не мог этого выносить, потому что в глубине души не мог дождаться, чтобы показать, что он превосходный император. Если это превосходство сможет свести на нет достижения его предшественника, Маркуса, которого люди почитали как бога, тем лучше.

Он уже император, он может говорить все, что захочет.

Он прервал Гракха, встал с трона и поднял свой меч.

Он без колебаний обвинил Марка в том, что он потворствовал сенату, а не нуждам, что нужны реальным людям. И он, новый, великий Коммод, любит свой народ всем сердцем, а не сенат, представляющий народ.

Однако новый император, очевидно, еще не завоевал своего авторитета, и Гракх не побоялся несколько раз прервать его, даже насмехаясь над ним.

Добродушный, но легко раздражающийся Коммод направил свой меч на Гракха...

В этой большой части акта почти не было повторных дублей из-за Дэниела. Ну на самом деле, Ридли переснимал только один раз, и только потому что некий сенатор слишком сильно двигал своим телом. А почти все остальные сцены были сняты.

Даниэль ярко показывает разницу между новым императором, который только что вступил на трон, и старым могущественным министром, и, что важно, легко увидеть, что этот император самовлюблен и чрезвычайно упрям. Он отчаянно хотел превзойти предшественника, своего отца. Но ему не хватало политических навыков. Так он опрометчиво использовал свой авторитет и даже вышел из себя в гневе.

Во всем этом акте Дэниел использовал две вещи.

Один из них - меч, символизирующий власть.

Вначале он направлял острие своего меча на землю и вращал им для забавы, что показывает, что, когда Коммод занял трон, он рассматривал власть как игрушку в своих руках.

Прервав конгрессмена, который говорил о политических делах, он взял в руку меч и сделал что-то вроде выпода. Затем он рассказал о делах своего отца в последние годы жизни, что был

одержим сенатом, а не тем, что думали "настоящие" люди, в этот момент у Коммода власть была в руках, а мир у его ног.

И когда Гракх спросил, на чем строятся познания нового императора о народе, то Коммод, положив меч на шею, начал говорить на тему "любви" и пустой и образной концепции управления. В это время Коммод уже осознал давление, вызванное властью. Это не просто привилегия, которой могут пользоваться люди, но и означает, что ты должен нести ту же ответственность, и что еще хуже, он начинает понимать, что у него, похоже, такого желания.

После того, как его снова прервали, он направил клинок на Гракха, и его гнев показал зло и жестокость власти, как ядовитая змея, готовая укусить.

Меч в руке Дэниела изменял свое положение в разных сценах, и эти изменения образно показывают зрителям чувства Коммода.

В дополнение к мечу власти, Дэниэл использовал свои глаза.

Они отличались от простых изменений положения меча.

Его глаза добавляли глубину фильма.

По мере развития сцены его глаза становились все глубже, темнее и безумнее.

Но от начала и до конца его взгляд оставался прежним.

Сам Коммод тоже не меняется.

Он просто более капризный, более сумасшедший, более одержимый властью и более поглощенный собственным упрямством.

Такая замечательная актерская игра поставила предыдущий в неудобное положение.

Уолтер, Кроу, Ричард Харрис, Конни Нильсон... все поняли "неудовлетворенность" игрой Ридли и Дэниела.

Мастерство Дэниела становится все лучше и лучше, но актеры и даже персонал в той же съемочной команде стали все более и более вежливыми с ним... и держались от него подальше.

Так как, несмотря на свою сдержанность, у Дэниела нет другого выбора, кроме как проявить некоторый невротизм, присущий Коммоду. Он смотрит на персонал, который ошибается, а также когда другие актеры участвуют в сцене, своими темными и загадочными глазами.

Конечно, это никого не волнует. Тем более, что персонажи становятся все более яркими и

реальными, и когда режиссер Ридли кричит, что начали, все люди, стоящие перед ним, невольно погружаются в эту эпоху и ситуацию. Вот Император Римской Империи, и убедить себя в том, что вы находитесь в этой эпохе гораздо проще.

Ридли был действительно взволнован и воодушевлен.

Беспокойство вызывало лишь то, что погруженность Дэниела в роль становилась все глубже и глубже, и поэтому возникал вопрос: когда съемки закончатся, сможет ли он выйти из образа? Если солнечный, скромный, трудолюбивый и прагматичный Дэниел станет властолюбцем, как Коммод, это будет очень плохо.

Но, с другой стороны, появление Дэниела в фильме практически повысило игру других актеров на более высокий уровень. Даже роли Максимуса, Маркуса и Гракха были сублимировались в процессе съемок с ним. Ридли каждый день испытывал эмоциональное возбуждение, потому что актеры перед ним подняли свою игру до оscarовского качества.

В конце концов, руководствуясь рациональными соображениями, Ридли постепенно сократил нагрузку на Дэниела. Этот аспект был вызван тем, что ранняя стадия была слишком плавной, так что оставалось место для корректировки. А также он надеялся, что Дэниел сможет играть, по крайней мере, не сливаясь с Коммодом.

Это ни в коем случае не то, о чем должен думать голливудский режиссер.

Режиссеры часто беспокоило игра актеров, которые добились успеха, о том, что их образ слишком далек от персонажей, и люди не смогут почувствовать героев полностью через них. Но Ридли беспокоило то, что его актеры слишком сильно погружались в образ своих героев.

Для режиссера это действительно счастливая неприятность.

Дэниел проводил больше времени в комнате после того, как его сцены были уменьшаны, конечно, он пытался абстрагироваться от роли, но без особого успеха.

И поскольку на первую половину дня не было никаких съемок, Дэниел был в комнате все утро.

Сам Дэниел был крайне озадачен таким глубоким вхождением в образ.

Возможно, он так ценил роль, что был слишком хорошо мотивирован, а место съемок, Колизей, вызвало у него такое потрясение, что даже двадцать лет съемок, которые он накопил в своей памяти не помогли.

- Дэниел, ты хочешь чего-нибудь поесть? Макароны? - Энди подняла пакет, который держала в руке.

- Энди, я хочу побеспокоить тебя, чтобы ты снова сходила...

- О, что ты хочешь съесть? Я пойду прямо сейчас. - Энди проявила редкое добродушное отношение и позитивность. Ведь Дэниел уже давно ничего не ел.

Дэниел махнул рукой.

- Неа, я хочу, чтобы ты купила мне инструменты для рисования маслом, плакат для рисования, холсты, масляные краски и кисти.

Энди на какое-то время была удивлена, но ее ответственность к работе заставила ее быстро кивнуть, затем она увидела, как Дэниел повернулся обратно в свою комнату и закрыл дверь хлопком.

Энди повезло. Недалеко отсюда были несколько магазинов, торгующих материалами для рисования. На то, чтобы купить их все, ушло меньше часа.

После полудня, когда начались съемки, Дэниел сидел в углу Колизея с масляными красками и досками для рисования, которые ему только что купили.

Это первый раз, с тех пор как он попал в Соединенные Штаты, как взял в руки кисть. В прошлой жизни он окончил Академию Изящных Искусств. Хотя он и не встал на путь чистого искусства, живопись стала для него мостом, соединяющим кино и реальность. Он никогда не будет сниматься в кино в роли художника, потому что, пока он держит перо, он может выйти из разных жизней и вернуться к своей собственной жизни, а в кино нужно было вернуться к образу, поэтому он не будет шизофреником из-за серии намеренно выдуманных историй.

Когда он сделал первый мазок, он действительно обрел давно утраченную легкость, а затем напряженные струны в сердце ослабли.

Коммод временно покинул его.

Это, может показаться немного сверхъестественным.

Но для Дэниела это чувство очень отчетливо, похоже на чутье, и оно пришло в это тело вместе со своей душой.

Его кисть изображает угол Колизея, часть разрушенных стен и несколько потрепанных непогодой сидений.

На китайские картины Даниэля наибольшее влияние оказал Фу Баоши, в то время как живописи маслом обучался с французского мастера-импрессиониста Моне.

Конечно, он все еще не может сравниться с ними, но он может сочетать китайские и западные стили. Подобно Сюй Бэйхун. Но как любитель или полупрофессионал Дэниел уже достаточно опытный художник.

Это во многом связано с его усердием в живописи. За последние 20 лет своей прошлой жизни

он снялся всего в дюжине фильмов, плюс у него не было никакой другой работы. Таким образом большая часть времени вне кино была потрачена на рисование.

Поэтому было легко понять Нильсон, которая, увидев его рисунок, открыла рот от удивления.

Актеры и продюсеры, которые не участвовали в съемках, подошли к ним и встали позади Дэниела.

Мазки кисти на доске грубые, но цвета яркие. Это была незабываемая картина маслом.

- Дэниел, ты еще и рисовать умеешь?

Рассел Кроу был последним, кто подошел. Дэниел отложил кисть вскоре после того, как тот пришел. Эта небольшая картина маслом была завершена.

- Невероятно? - Дэниел повернул голову и одарил всех очаровательной улыбкой. Дэниел, который несколько дней прятался в тени Коммода, в этот момент, казалось, снова показался, да так, что, увидев его улыбку, все члены съемочной команды были удивлены его резкому возвращению.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/74660/2218831>